

Неизбывная сила русского слова

В канун четвёртого Форума русскоязычных писателей зарубежья, который проходил в конце ноября ушедшего года в Москве, в Доме Ростовых и в посёлке писателей Переделкино Международное сообщество писательских союзов при поддержке Россотрудничества и Международного Литературного фонда выпустило в свет сборник «Содружество родного языка» (стихи, проза, эссеистика, публицистика), куда вошли произведения писателей из почти двух десятков стран, участников форума 2012 года

Объединяет же их всех неподдельная любовь к русскому слову, к русской литературной традиции и к самой России — нашей общей великой родине.

В книге представлены следующие авторы русского зарубежья: Анатолий Аврутин (Белоруссия), Юлия Белова (Норвегия), Наталия Волкова (Чехия), Рифат Гумеров (Узбекистан), Наталия Ерменкова (Болгария), Ольга Лаврова (Австрия), Марк Луцкий (Израиль), Елена Шуваева-Петросян (Армения), Ирина Басова (Франция), Виктор Гришин (Кипр), Сергей Дебрер (Германия), Татьяна Жилкина (Франция), Марина Калашникова (Австрия), Гарри Каролинский (США), Георгий Каюров (Молдавия), Анна Лео (Белоруссия), Парвин Нуралиева (Азербайджан), Татьяна Орлова (Молдавия), Станислава Разумовская (Сербия), Феликс Тацкий (Украина), Александр Фитц (Германия), Артём Хегай (Киргизия), Раиса Шиллимаг (Германия), Виктор Шлапак (Украина).

Содружество родного языка. Сборник участников Форума русскоязычных писателей зарубежья. — М.: ИТМО-Университет, 2013. — 544 с. ил.

Открывает сборник подборка стихотворений белорусского поэта, главного редактора журнала «Новая Немига литературная» Анатолия Аврутина, который хорошо известен в России и читателям, и профессиональным литераторам.

Великая родина, разорванная на части историческими катаклизмами, всё ещё больна, и эта нестерпимая боль гложет душу русского поэта, ибо русское слово, как и русская цивилизация — неделимы. И остаётся только верить свою судьбу всевышнему, ибо что неподвластно человеку, то подвластно Богу.

Писать стихи, пить водку, верить в Бога... И Родины измученной болеть... Пустой стакан, забытая Отчизна, Чутко свернуть и рано отгореть.

А отторишь, не понял и не признан, Останутся худые башмаки, Пустой стакан, забытая Отчизна, Божественность нечитанной строки...

И пусть чернеет душа русского человека от запёкшейся крови, пусть времена накатывают отчаяние, когда живёшь на чужой стороне, но всё явственнее ощущаешь, что высшая сила не оставила Россию, что русское возрождение близко, ибо рядом с тобой Ангел-хранитель, ибо жива православная вера.

Как-то съезилось все, почувужело... Да и сама здесь полужужю... Больше чёрного стало на белом, Меньше злата в ночи золотой.

Средь неласковой этой юдоли
Всё гадаю, строку бормоча:
Что за свет всё мерцает над полем,
Что за ангел стоит у плеча?

Слава Богу, что канули в Лету прежние времена, когда государство от имени всего народа брало русскую эмиграцию. Ныне же едва ли не единственная в русской истории эпоха, когда и власть, и русский люд не только не отвернулись от эмиграции, но считают переселенцев в иные края частью нашего народа. А русскоязычная литературная эмиграция отвечает взаимностью и щедро вознаграждает родину своей любовью.

Ещё в конце прошлого века превалировало мнение, что жизнь в эмиграции убивает поэта. Но вот Ирина Басова — поэт и публицист, дочь великого русского поэта Бориса Корнилова, проведя литературоведческие исследования, опровергает этот тезис в своём эссе «Поэт и эмиграция». В качестве примеров она рассматривает творчество поэтов-эмигрантов Владимира Набокова, Иосифа Бродского, Владислава Ходасевича, Марины Цветаевой и др. Она точно подмечает, что литературная эмиграция не только опустошает литературные просторы, но и возвращает «обогащённую руду» на просторы русской словесности. И пусть это происходит не одновременно, а с неким хронологическим запаздыванием, но именно последующие поколения русских читателей и писателей открывают для себя новые грани нашего любимого русского языка. Ирина Басова делает вывод, что роль скоро

русский язык жив своей способностью к расширению, к экспансии, то и эмиграция поэта (даже в самых драматических или трагических обстоятельствах), будучи в социальном понимании окрашенной в мрачные тона, для творческого потенциала поэта несёт позитивный заряд. Ибо и сама эмиграция — это не что иное, как желание выйти за некие очерченные кем-то пределы, а это и рождает эмиграцию и с языком, и с поэзией.

Заслуживает внимания и такой парадокс: именно на чужбине у многих писателей пробуждается интерес к языку русских окраин, к исконному народному быту, к исследованию фольклора и быта малых народов. Таков прозаик Виктор Гришин, чьё детство прошло на Волге, затем — служба на флоте, а позднее — работа на Крайнем Севере. И вот его юношеские впечатления не просто бедредят душу, а в буквальном смысле зовут в творческие поездки, из которых автор возвращается с новыми произведениями.

«Люди тундры» — рассказ об уникальном северном народе «саами», предкастителей которого ещё Шекспир в «Комедии ошибок» величал не иначе как «лапландскими колдунами». Страна Лапландия (Гиперборея, Ребра Северовы, Дантов ад) — это территория Кольского полуострова, а также северо-восточных районов Норвегии и Швеции. Норвежский писатель Кнут Гамсун в романе «Последняя радость» охарактеризовал олений чучельный народ саами (русское средневековое прозвище — лопари) как «помесь людей с карликовыми бербёрами». Несмотря на то, что лопари с воодушевлением приняли православие, они так и оставались детьми природы, неразрывно связанными с тундрой, сохранив все свои языческие обычаи. Характерная деталь: они с удовольствием принимали причастие, но не проглатывали его, а доносили до становидца и делились причастием с оленями, чтобы увеличить стадо.

А затем для лопарей наступили трагические времена. Вначале Российская империя с королевством Норвегия разделили их исконные территории, затем уже появилась и настоящая советско-норвежская граница с колошей проволокой, после чего уже не то что кочевать, но и пройти по знакомым с детства тропкам в гости к родне стало невозможно. А тут ещё и урбанизация: и по-

советски, и по-норвежски, и по-шведски. Но сохранился народ саами! И ныне возрождается. У норвежских саами даже имеется охранный грамота, пожалованная Великим князем Московским и всея Руси Иоанном Васильевичем Грозным, согласно которой саами (лопари, скольты) являются на времена вечные хозяевами реки Нейден (нынешняя территория Норвегии). Саами чтут Грозного как великого русского борца за права саамов-скольтов. И сейчас они всячески стараются убедить норвежского короля, чтобы тот даровал им исключительные права на землю и рыбную ловлю в Нейденской долине, ибо ранее эти права принадлежали их предкам.

Другой рассказ Виктора Гришина переносит нас на матушку Волгу. И здесь автор открывает читателю мир вдохновенного труда исконных русских грузчиков-волагарей, которые и поныне используют эффективный и удобный старинный русский инструмент — баланку. Устройство её вовсе не хитрое: на манер рюкзачка на плечи надевают широкую доску, обитую кожей или брезентом, а перпендикулярно ей (вниз) крепится другая доска. И на таком приспособлении можно переносить груз (мешки, ящики), своим весом значительно превышающий вес грузчика. На немеханизированных волжских причалах баланка и сейчас незаменима. Ну, а грузчики-волагры — это вылитые русские богатыри из старинных былин.

Нельзя пройти и мимо третьего рассказа (точнее — очерка) Виктора Гришина «Рулетка», умело увлекательного читателя контрастом описываемых событий. Здесь идёт речь о практически неизвестном современному литературоведу ментальной духовной связи выдающегося норвежского художника Эдварда Мунка, 150-летие со дня рождения которого отмечалось в 2013 году, и великого русского писателя Фёдора Достоевского. То, что Мунк безгранично любил Достоевского и даже умер с его книгой в руках, — известный литературоведческий факт. Но то, что увлекшись романом «Идиот», он совершил «азартный вояж» в Ниццу, где за рулеткой оставил своё состояние, знают немногие. Зато благодаря этому Мунк написал цикл картин «Рулетка», а кроме того, оставил после себя эссе-дневники, которые впервые увидели свет совсем недавно. Недаром Эдвард Мунка называют «Достоевским в живописи».

Особую притягательность коллектив-

ному сборнику «Содружество родного языка» придаёт смена ритма, стиля и языка авторов. Только что была размеренная обстоятельная речь русского северянина, и вот уже её сменяет юго-восточный колорит темпераментного рассказчика из Узбекистана — поэта и прозаика Рифата Гумерова. Его стихи похожи на восточные притчи и сказки, однако в них органично вписываются детали современного бытия:

Любить мне было суждено...
Светило мне твоё окно,
Былом, как фишка домино —
Один и пусто...

А это было так давно...
Уже погасло твоё окно,
И стал весь мир, как домино, —
Лишь пусто-пусто...

Тема любви — главная в творчестве Рифата Гумерова. Самоирония (именно ирония в отношении себя, ибо в лирическом герое его рассказов мы легко угадываем личность автора), тонкий восточный юмор, преклонение перед любовью женщины и... никакой работы перед блистательной Америкой восьмидесятых-девяностых годов минувшего века, когда героиня рассказа «Ланч во время путча» уехала из Советского Союза в США, а затем её примеру последовал и главный герой. Женщина просто вне себя от счастья в «потребительском рае», тем более что там прожить бездельно можно и не работая, а только — за счёт «вэлферов» (социальных пособий). Тонко подмеченные автором детали эмигрантской психологии просто восхищают. Вот, к примеру, такая возмущённая реплика советского эмигранта: «А в Америке, оказывается, все свободные "тёлки" (проститутки) — валютные!!!» Так и представляешь обуреваемого досадой «совка»: как же так: невзрачная негританка из трущоб требует в оплату за свои «услуги» твердую валюту?! Да ей бы надо платить «деревянными» советскими, перестроенными рублями! И подобных замечательных деталей в рассказе много. Но это лишь фон для большой любви. А потом... потом... несмотря на потребительский рай, любовь куда-то уходит, и остаётся один в бетонной клетке-квартире в чужой и неприветливой юдоли, временами обращающейся к сущим адом...

Окончание в следующем номере

«Тянет душу туда, где родные скрипят палестины...»

На четвертом Форуме русскоязычных писателей зарубежья самой представительной по составу была секция поэзии, работой которой руководил член исполкома МСПС, заслуженный работник культуры России, поэт Лев Котюков. Ему помогали поэты Эдуард Хандюков и Игорь Витюк. Заседание секции проходило в библиотеке Дома творчества писателей «Переделкино»

Отгипни, моя память, из этого фильма куски,
На верхушках черёмух отснятые детством картины...

Да, здесь мой дом и вся моя семья.
Ночувствостойкое, что я — нея...

Елена Крикливец (Белоруссия), член Союза писателей России, ученица известного русского поэта Анатолия Аврутина, читала философские стихи о любви:

Я боюсь, что однажды не выдержат крылья,
Безнадёжно вдали замигает звезда,
И, упав, захлебнусь я дорожною пылью...
Страшно мне... а на небо смотрю иногда.

И если у Ольги Лавровой душа русской женщины обнажена полностью, то Елена Крикливец чуть сдержаннее в своих чувствах, которые старается скрыть от чужого взора, впрочем, это неудивительно, ибо белорусские красавицы они такие — очень трепетно относятся к каждому слову, обращённому во внешний мир. А вот Ольга Лаврова интригует читателя чувственными строками, но — буквально одним поэтическим штрихом тут же виртуозно прячет свои чувства за необычными, самобытными образами, навеянными романтической Австрией.

Стихи Натальи Ерменковой (Болгария) глубоко исповедальны. В них судьба русской женщины: и сбывшаяся любовь, которая не отпускает никогда, и непростая женская доля на чужбине, и судьба любимой дочери, для которой мать — ангел-хранитель на всю жизнь. И, конечно же, стихи о любимой России, тоска по которой гложет душу:

О, как по-русски: пить, и пить, и выть,
покинув родину, прощения просить!

А вот у Регины Наумовой иной взгляд на эту давнюю историю. Христианская душа Малинины (а она приняла христианство) не могла выносить свирепых обычаев своих бывших соплеменников (жертвоприношения с выпирыванием сердца у живых людей, торговля собственными детьми и др.), и Малинина во имя Божией любви сражается на стороне покорителей Мексики. Конечно же, в поэме есть и линия земной, и даже правильной сказать — неземной любви Малинины к Эрнану Кортесу.

Вот так пересказала эту историю русская поэтесса Регина Наумова. Поэма уже переведена на испанский язык и была замечена литературной критикой в Мексике. Творчество Регины Наумовой богато и любовной, и гражданской лирикой, но всё-таки изюминка её поэзии — тема Мексики, ибо Регина тонко чувствует мексиканскую культуру, буквально дышит ею, но сердце её разрывается между двумя родными странами — Россией и Мексикой.

Ирина Блажевич (Латвия) прочла пронзительное стихотворение из цикла «Узникам Салаписла», в котором умирают, как будто у нас на глазах, маленькие дети, которых фашистское зверье использовало в качестве доноров крови до тех пор, пока не высасывали всю кровь из ребёнка. Ирина не боится публиковать эти стихи и в Латвии, где после обретения независимости отношение к фашизму, скажем мягко, несколько изменилось. А любовную лирику Ирины Блажевич можно проиллюстрировать, казалось бы, незатейливыми, но разрывающими мужское сердце, строками:

На выдохе тебе отдам свой поцелуй...
Пусть он воздушный,
Границы сердца, знаю, рушит...

Евгения Босина (Израиль) приехала из святых мест. Мечта каждого христианина — хотя бы раз побывать там, приложиться к святыням. И вот перед нами поэт, которому посчастливилось жить на этой земле. О чём же её стихи? О том, что душа замерзает без снега, что сердце рвётся и не находит покоя... Прекрасная пейзажная лирика отражает ту боль, которая изводит, не даёт уснуть по ночам. Стихи становятся живыми, они дышат и плачут вместе поэтом.

Какая странная зима явилась
в наши палестины!
Не потому,

что холодной или теплее зим иных —
Какой-то странный жаркий снег валит
на головы и спины,
И раскалённый странный дождь
лил на чужих и на своих.

Наталья Крофтс проживает в Австралии. Её необычная манера чтения своих стихотворений завораживает. Слушая стихи Натальи, порою даже абстрагируешься от их содержания — отрывистая манера чтения, военный маршевый ритм поглощают тебя целиком. А ведь речь идёт о любовной лирике! Глубина смысла, неизбежность фраз и образов впечатляют. Мгущающееся свободное сердце поэта рвалось стихами из скованной жёсткими законами новой родины — мирового хаоса. И всё-таки металл в голосе Натальи плавился при прочтении любовной лирики. И мы все были очарованы теплотой чувств, бурей эмоций и просто очаровательной улыбкой хрупкой, но сильной духом девушкой.

Разбиваются — опять — на куски
Все мечты, что я держала в руке.
Барабанит горечь грубо в виске,
и болтаёт — на чужом языке...

Поднимаю я осколком с земли —
Может, склею — зажимаю в кулак.
Но мечты уже — в дорожной пыли:
И не там я — и не с тем — и не так...

Юлия Белова (Норвегия) уже хорошо известна русскоязычной поэтической Европе. Для многих из нас Норвегия ассоциируется с высокими белокурыми красавицами, холодными и недоступными. Но стоило увидеть розовощёкую, с блестящими задорными глазами девушку (хотя она мама четверых детей), как сразу представляешь домик в лесу, перед окнами в сосне свито гнездо сойки (оказывается, только в Норвегии сойки вьют гнёзда на соснах) море грибов, потрескивание дров в камине... Именно об этом пишет свои стихи Юлия Белова. Её поэтический язык прост и доступен (прямо женский поэзии), и многие её стихи можно читать детям, кстати, есть у неё и такой цикл стихотворений. Но nostalgia по заснеженной родной Москве звенит в каждой строчке... Сила духа, доброе сердце, открытость притягивают к себе даже самого капризного читателя...

Я судьбе доверяю всецело:
Так сложилось, в Европе живу.

Но по-прежнему оготело
Влюблена в дорожку Москву.

Под конец мастер-класса Марк Луцкий (Израиль) прочёл свои «плагатинки», изрядно развеселив всех присутствующих. Название цикла четверостиший не должно вводить в заблуждение, здесь речь идёт не о плагиате, а о давно известном литературном приёме реминисценции (невнятная цитата, цитирование без кавычек, мысленная отсылка к образу прошлого).

Например, ещё вагант XII века Вальтер Шатильонский (он же Готье из Лилля) увлеклся так называемыми versus cum auctoritate — стихами, сочетающими вагантскую строфу с цитатой из античного автора. У Марка Луцкого в каждой «плагатинке» третья строка — известная поэтическая фраза русского классика. А поэт помещает её в современный контекст, благодаря чему рождается искромётное юмористическое четверостишие.

Из Александра Пушкина
В концертном зале в тишине
Эстраду молила я даму:
— Не пой, красавица, при мне
Ты эту песнь под фонограмму!

Из Александра Блока
Знакомо всё уже от века,
О Господи, как тесен мир!
Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бандит, путана, рэкетир.

Участники мастер-класса предложили Марку использовать эти «плагатинки» во время публичных выступлений в качестве поэтической игры, когда слушатели должны определять автора третьей строки. Тем более что существует похожая поэтическая игра — «бескрылки», когда по трём первым строкам, написанным современным автором-юмористом, нужно догадаться четвёртую — из классического наследия или вообще, крылатую фразу (отсюда название — «бескрылки», поскольку строфа без этой фразы как бы «без крыла»).

Лучшие стихи участников мастер-класса будут опубликованы в журнале «Поэзия». Двадцать первый век от Рождества Христова», в «Общественной Литературной газете», а также войдут во второй выпуск книги «Русскоязычные писатели зарубежья».

Материалы полосу подготовил Игорь Витюк,
секретарь правления МГО СП России,
заслуженный работник культуры РФ

Кто незримый играет на струнах
душевной тоски?
Тянет душу туда, где родные скрипят
палестины.